ства — естественнѣе всего перенести свою любовь на человѣчество. Казалось-бы это логичнѣе всего, и теоретически проповѣдуютъ это, не замѣчая того, что любовь есть чувство, которое можно имѣть, но которое нельзя проповѣдывать, и что кромѣ того для любви долженъ быть предметъ, а человѣчество не есть предметъ, а только фикція.

Племя, семья, даже государство не выдуманы людьми, но образовались сами собой, какъ рой пчелъ, муравьевъ, и дѣйствительно существуетъ. Человѣкъ, любящій для своей животной личности семью, знаетъ кого онъ любитъ: Анну, Марью, Ивана, Петра и т. д. Человѣкъ, любящій родъ и гордящійся имъ, знаетъ, что онъ любитъ всѣхъ Гвельфовъ или всѣхъ Гибелиновъ; любящій государство знаетъ, что онъ любитъ Францію по берегъ Рейна, и Пиренеи, и главный городъ ея Парижъ, и ея исторію и т. д. Но что любитъ человѣкъ, любящій человѣчество? Есть государство, народъ, есть отвлеченное понятіе: человѣкъ; но человѣчества, какъ реальнаго понятія, нѣтъ и не можетъ быть.

Человѣчество? Гдѣ предѣлъ человѣчества? Гдѣ оно кончается или начинается? Кончается ли человѣчество дикаремъ, идіотомъ, алкоголикомъ, сумашедшимъ исключительно? Если мы проведемъ черту, отдѣляющую человѣчество, такъ что исключимъ низшихъ представителей человѣческаго рода, то гдѣ мы проведемъ черту? Исключимъ-ли мы негровъ, какъ ихъ исключаютъ Американцы, и Индѣйцевъ, какъ ихъ исключаютъ нѣкоторые англичане, и Евреевъ, какъ ихъ исключаютъ нѣкоторые? Если-же мы захватимъ всѣхъ людей безъ исключенія, то почему же мы захватимъ однихъ только людей, а не высшихъ животныхъ, изъ которыхъ многія выше низшихъ представителей человѣческаго рода?

Человѣчество мы не знаемъ, какъ внѣшній предметъ, не знаемъ предѣловъ его. Человѣчество есть фикція, и его нельзя любить. Дѣйствительно очень выгодно бы было, если-бы люди могли любить человѣчество такъ же, какъ они любятъ семью; было бы очень выгодно, какъ про это толкуютъ коммунисты, замѣнить соревновательное направленіе дѣятельности людской—общиннымъ, или индивидуальное—универсальнымъ, чтобы каждый для всѣхъ и всѣ для одного, да только нѣтъ для этого никакихъ мотивовъ. Позитивисты, коммунисты и всѣ проповѣдники научнаго братства, проповѣдуютъ расширять ту любовь, которую люди имѣютъ къ себѣ и къ своимъ семьямъ и къ государству на все человѣчество, забывая то, что любовь, которую они проповѣдуютъ, есть любовь личная, которая могла разжижаясь, распространиться до семьи; еще болѣе разжижаясь, распространиться до естественнаго отечества; которая совершенно исчезаетъ, касаясь искусственнаго государства, какъ Австрія, Англія, Турція, и которой мы даже не можемъ себѣ представить, когда дѣло касается всего человѣчества, предмета вполнѣ мистическаго.

«Человѣкъ любитъ себя (свою животную жизнь), любитъ семью, любитъ даже отечество. Отчего-же бы ему не полюбить и человѣчество? Такъ бы это хорошо было. Кстати же это самое проповѣдуетъ и христіанство». Такъ думаютъ проповѣдники позитивнаго, коммунистическаго, соціалистическаго братства. Дѣйствительно это бы было очень хорошо, но никакъ этого не можетъ быть, потому что любовь, основанная на личномъ и общественномъ жизнепониманіи, дальше любви къ государству идти не можетъ.

Ошибка разсужденія въ томъ, что жизнепониманіе общественное, на которомъ основана любовь къ семьѣ и къ отечеству, зиждется на любви къ личности, и что эта любовь, переносясь отъ личности къ семьѣ, роду, народности, государству, все слабѣетъ и слабѣетъ, и въ государствѣ доходитъ до своего послѣдняго предѣла, дальше которого она идти не можетъ.

Необходимость расширенія области любви несомнѣнна; но вмѣстѣ съ тѣмъ эта самая необходимость расширенія ея въ дѣйствительности уничтожаетъ возможность любви и доказываетъ недостаточность любви личной, человѣческой.

И вотъ тутъ-то проповѣдники позитивистическаго, коммунистическаго, соціальнаго братства, на помощь этой, оказавшейся несостоятельной человѣческой любви, предлагаютъ христіанскую любовь, но только въ ея послѣдствіяхъ, но не въ ея основахъ: они предлагаютъ любовь къ одному человѣчеству безъ любви къ Богу.

Но любви такой не можетъ быть. Для нея нѣтъ никакого мотива. Христіанская любовь вытекаетъ только изъ христіанскаго жизнепониманія, по которому смыслъ жизни состоитъ въ любви и служеніи Богу.

Естественнымъ ходомъ отъ любви къ себѣ, потомъ къ семьѣ, къ роду, къ народу, государству, — общественное жизнепониманіе привело людей къ сознанію необходимости любви къ человѣчеству, не имѣющему предѣловъ и сливающемуся со всѣмъ существующимъ, — къ чему то не вызывающему въ человѣкѣ никакого чувства, привело къ противорѣчію, которое не можетъ быть разрѣшено общественнымъ жизнепониманіемъ.

Только христіанское ученіе во всемъ его значеніи, давая новый смыслъ жизни, разрѣшаетъ его. Христіанство признаетъ любовь и къ себѣ, и къ семьѣ, и къ народу, и къ человѣчеству, не только къ человѣчеству, но ко всему живому, ко всему существующему, признаетъ необходимость безконечнаго расширенія области